

К вопросу о литературной репутации и роли СМИ в ее формировании

(на материале прозы Л. Андреева)

Шишкина Л. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; lidia_shishkina@mail.ru

РЕФЕРАТ

В данной статье рассматривается актуальная для сегодняшней литературоведческой науки проблема литературной репутации в контексте современной репутационной теории. Среди многочисленных аспектов, в совокупности создающих публичный образ писателя, преимущественное внимание уделяется роли медиа. На основе анализа рецепции одного из самых характерных произведений показывается, как современная пресса способствовала созданию «феномена» Леонида Андреева.

Ключевые слова: репутациология, литературная репутация, пресса, медиа, публичный образ, социальный статус

Для цитирования: Шишкина Л. И. К вопросу о литературной репутации и роли СМИ в ее формировании (на материале прозы Л. Андреева) // Управленческое консультирование. 2020. № 12. С. 177–186.

On the Issue of Literary Reputation and the Role of the Media in Its Formation (Based on the Prose of Leonid Andreev)

Lidia I. Shishkina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; lidia_shishkina@mail.ru

ABSTRACT

This article examines the problem of literary reputation, which is urgent for today's literary science, in the context of modern reputation theory. Among the many aspects that together create a public image of the writer, the main focus is on the role of the media. Based on the analysis of the reception of one of the characteristic works, it is shown how the modern contributed to the creation of the "phenomenon" of Leonid Andreev.

Keywords: reputationology, literary reputation, media, press, public image, social status

For citing: Shishkina L. I. On the Issue of Literary Reputation and the Role of the Media in Its Formation (Based on the Prose of Leonid Andreev) // Administrative consulting. 2020. N 12. P. 177–186.

В сфере современного научного знания истоки «репутационной» теории связывают с концепцией социальной стратификации, сформулированной в середине XX в. американским социологом и социальным антропологом Уильямом Ллойдом Уорнером (W.L. Warner). Суть ее, изложенная в ряде работ ученого [11], заключалась в том, что классовая принадлежность людей устанавливалась, исходя из оценки их статуса другими членами общности, то есть их сложившейся репутации. Модель стратификации общества по Уорнеру, определяющая позицию личности в социальной структуре такими характеристиками, как уровень образования, род занятий, происхождение, величина состояния и доход, и предложенное в соответствии с этим

выделение шести социальных классов (высший-высший, высший-средний, высший-низший, низший-высший, низший-средний и низший-низший) не утратила своей актуальности и широко используется в социологии и политологии.

В настоящее время сложилось понимание репутации как закрепившегося устойчивого мнения, социальной оценки личности, как ее своеобразное публичное репутационное. Репутационный подход, зачастую конкретизированный как проблема профессиональной и деловой репутации, становится важнейшим трендом, прежде всего, в экономике и бизнесе. Репутация является предметом социальных, управленческих и технологических наук. Актуальность подобного подхода подтверждает возникновение нового термина «репутациология» как выражение претензии на некую самостоятельную область научного знания, изучающей закономерности формирования и управления деловой репутацией юридических и физических лиц [4, с. 219–221]. Начиная с 2008 г. в Москве выходит международный научный журнал с аналогичным названием и весьма пестрым и разнородным содержанием.

Сегодня «репутационный» подход вышел за рамки социологического знания. Проблема *литературной репутации* стала одной из последних тенденций современного литературоведения. При этом будет нелишним напомнить, что в данной области постановка вопроса была обозначена гораздо раньше. В 1928 г. в Москве в издательстве «Никитинские субботники» вышла книга историка литературы И. Н. Розанова «Литературные репутации», наметившая основы новой области научного изучения — теории и истории литературных репутаций. По мысли ученого, первая должна была заняться «исследованием факторов литературного успеха, вторая — изучением фактов в исторической последовательности, выяснением их социологических причин» [8, с. 16]. Несмотря на то, что идеи Розанова нашли сочувственный отклик у молодых ученых, в дальнейшем ставших мэтрами отечественного литературоведения, — Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова, — данное научное направление развития не получило. Лишь в последнее десятилетие проблема литературной репутации стала предметом пристального внимания отечественных и зарубежных филологов. Это было связано с тем, что в науке о литературе, в противовес преобладающему структурализму, все большую популярность обретает так называемый «рецептивный» подход, подразумевающий не имманентный анализ текста, но его восприятие всеми участниками литературного процесса: современниками, читателями и критиками, в результате чего происходит формирование устойчивого *публичного образа писателя*.

В свое время Розанов отмечал: «В настоящий момент особенное внимание привлекает вопрос о взаимоотношениях писателей с читателем, проблема критики как *посредника* (курсив мой — Л. Ш.) между ними» [8, с. 16]. При этом следует отметить, что критические выступления появлялись на страницах газет и журналов, как правило, имевших определенную общественную и эстетическую позиции в глазах общественности (также своего рода репутацию), рупором которой и становился критик. Поэтому можно утверждать, что посредником между читателем и писателем, играющим важную, а зачастую, и определяющую роль в создании его репутации — публичного образа, становятся именно средства массовой информации. Эта проблема и является предметом данной статьи.

В историко-литературном контексте репутационный подход представляется наиболее оправданным при исследовании литературы так называемого Серебряного века — литературы рубежа XIX–XX вв. Это объясняется общекультурными процессами: демократизацией литературной жизни, «массовизацией» читательской аудитории, бурным развитием журналистики: появлением огромного количества журналов различного направления и массовой газетной периодики, как столичной, так и провинциальной. В это время каждый «толстый» журнал обязательно имел в своей структуре литературно-критический отдел с постоянными рубриками и посто-

янными авторами — обозревателями и критиками. Среди прочих можно выделить, например, «Критические очерки» В. П. Буренина («Новое время»), «Критические наброски» С. Адрианова («Вестник Европы»), «Критические заметки» А. Богдановича («Мир Божий») и В. Кранихфельда в «Современном мире», «Литературный дневник» З. Гиппиус, который она вела в журналах «Весы» и «Новый путь».

Еще большим влиянием на формирование массового мнения обладала газета. Литературно-критические отделы имели не только многотиражные центральные газеты, такие как: «Новое время», «Русское слово», «Речь», «Русь», «Биржевые ведомости», «Слово» и т. д., но и провинциальные: «Одесские новости» и «Одесское обозрение», «Киевские вести», «Волжское слово», «Северный вестник», «Астраханский листок», «Тульская молва», «Красноярец», «Восточное обозрение»; этот перечень можно продолжать долго. В них пробовали свое перо многие впоследствии получившие известность литераторы, литературные критики (например, К. И. Чуковский) и даже политические деятели (Л. Д. Троцкий). Газеты живо откликались на появление литературной новинки, давая анонсы, интервью и развернутые статьи.

Диалог писателя с общественностью, представленной современной прессой, проблема «обратной связи» между писателем и газетно-журнальным миром актуализируется уже в конце XIX в. Именно журналистика создала в свое время пресловутый миф о Чехове как о писателе, у которого нет мировоззрения. С легкой руки авторитетного идеолога и критика Н. К. Михайловского, озглавившего свою статью о Чехове «Холодная кровь», утвердилась идея о художническом равнодушии писателя, неприемлемом для традиции русской литературы. Именно пресса тиражировала одиозное высказывание представителя народнических кругов А. М. Скабичевского, что Чехову за отсутствием мировоззрения суждено умереть под забором.

В начале XX в., когда массовизация общественного сознания усиливается, влияние прессы в формировании устойчивого имиджа писателя становится несравнимо более значимым. Именно тогда начинается процесс, достигший своего апогея в наши дни, когда писатели из недоступных обитателей литературного Олимпа, властителей дум и учителей жизни превращаются в медиаперсон, обретают кратковременный статус «звезды», становясь «рабами» текущего момента и настроения, а «массового человека» интересует не столько их произведение, сколько их личная жизнь и связанные с ними скандалы.

Процесс создания литературной репутации, проблема обратной связи автора и читателя, роль СМИ в этом процессе особенно наглядно проявляется в формировании так называемого феномена Леонида Андреева — писателя, завоевавшего в первые десятилетия XX в. не просто литературный успех, но приобретшего неслыханную славу с ее неизменными атрибутами — шумихой, бранью, кривотолками и скандалами.

Репутация, как правило, состоит из комплекса стереотипов о конкретном лице. Поражает многообразие оценок, из которых складывалась литературная репутация Андреева, присутствующих как в сфере научного знания, так и в области массового читательского сознания. В рамках литературной системы сущностными для писателя стали следующие статусы: «новатор в области драматургической формы», «неореалист», «парасимволист», «предтеча мирового экспрессионизма», «несомненный экзистенциалист», «фантастический реалист», «художник предавангарда» — таков перечень, далеко не полный, с помощью которого исследователи пытались охарактеризовать своеобразие художественного метода и место писателя в русской и мировой литературе.

Одновременно с этим существовал и другой набор характеристик, не менее разноплановый, ориентированный на рецепцию его творчества массовым сознанием и сформированный современным писателю газетно-журнальным контентом.

В данном случае репутация составлялась из следующих статусов, содержащих как положительные, так и отрицательные коннотации: «барометр своего времени», «социально злободневный писатель», «писатель-гуманист», «писатель-философ», «психолог и психиатр русского общества» и — одновременно с этим: «модный/успешный автор», «декадент и вырожденец», «некультурный писатель», «певец ужасов и кошмаров», «обладатель больших гонораров» и т. д.

Репутационный подход к творчеству Андреева был заявлен в монографии Г. Н. Боевой [2]. Утверждая, что «феномен Леонида Андреева» стал результатом не только яркого своеобразия поэтики писателя, но и читательского восприятия его произведений, она показала, что формирование репутации стало результатом взаимодействия писателя и читателя в ситуации культуры модерна с характерным для него феноменом массовой культуры. В то же время сомнительным представляется высказанный исследовательницей тезис о сознательных PR-стратегиях Андреева по отношению к массовому читателю, о продуманном выстраивании собственного успешного образа на основе игры на стереотипах массового сознания и использования «пограничных» и «табуированных» тем.

Действительно, Андреев в юности, как и многие другие в этом возрасте, мечтал о славе. Характерна запись, сделанная в августе 1891 г. в его дневнике: «Я хочу быть известным, хочу приобрести славу, хочу, чтобы мне удивлялись, чтобы преклонялись перед моим умом и талантом» [1, с. 62]. Провинциальный гимназист неполных двадцати лет, начитавшийся Гартмана и Шопенгауэра, претендует на то, чтобы стать разрушителем основ современной жизни, ниспровергателем «тех фикций, которыми человечество до сих пор поддерживало себя» [1, с. 63].

Разумеется, Андреев, как и все пишущие, ревниво относился к своему успеху и всегда чутко прислушивался к оценкам своего творчества. Подтверждением озабоченности писателя своей репутацией служит тот факт, что он, пожалуй, как никто из современников, следил за приемом своих произведений публикой и критикой, многие годы являясь абонентом «Бюро газетных вырезок» [6, с. 2]. Но статус «модного писателя» вряд ли был предметом его устремлений, а публичность не столько радовала его, сколько тяготила. Незадолго до смерти, подводя итоги своей литературной судьбы, он с беспощадной горечью писал в дневниках, что стал рабом своего читателя, постоянно прислушиваясь к тому, хорошо ли его принимают. «Все во мне стонет от рабства и цепей, я ненавижу читателя, я хочу вернуться к дням моей прежней свободы — и, как заклятый, снова и снова ввергаюсь в публичность», — такова запись от 20 августа 1918 г. [1, с. 41].

Вряд ли литературная репутация может быть результатом целенаправленных действий самого литератора. Репутация — это оценка со стороны, мало зависящая от самого автора. В случае Андреева именно пресса сыграла определяющую роль в создании его оглушительной популярности: о нем сочинялись фельетоны и анекдоты, он становился объектом шаржей и карикатур, в газетах регулярно печатались интервью с писателем, где журналисты интересовались его мнением о злободневных событиях, беззастенчиво вторгались в бытовую жизнь, в подробностях описывая, например, знаменитый своей оригинальностью финляндский дом Андреева, построенный по образцу замка герцога Лоренцо из его символистской драмы «Черные маски». Помещались многочисленные фотографии, создававшие образ писателя, погруженного в разгадывание вечных тайн бытия и бездн человеческой природы. «Вот он сидит в сосредоточенной позе за письменным столом... со скорбно поставленными своими удивительными глазами»¹, — отмечал один из современников в заметке «Трагедия „модного“ писателя».

¹ Садко [Блюм В. И.]. Трагедия «модного» писателя // Нижегородский листок. 1909. 4 окт. № 271. С. 3.

Король фельетона, главный редактор журнала «Сатирикон» Аркадий Аверченко посмеялся над избыточной славой Андреева, созданной прессой, в фельетоне «Проклятие»: в обеих столицах мечутся интервьюеры, желая знать об отношении Андреева к Мессинскому землетрясению, к великому старцу Льву Толстому, к прославленному бельгийцу Морису Метерлину... Измученный назойливым вниманием газетчиков Петербурга, Андреев инкогнито бежит в Москву в надежде укрыться и отдохнуть. Все напрасно: московские барышни, узнав своего кумира, бесцеремонно его разглядывают и обсуждают; в газетах он встречает репортажи о своих путешествиях, которых не совершал, и собственные суждения о стихах поэтов, которых не читал. Отчаяние гонит несчастного в кинематограф, где «крутят» сенсационную ленту «Леонид Андреев у себя на даче». Андреев отваживается на обратный путь, о чем намеревается известить жену, но на почте его ждет новый удар: ему предлагают свежий выпуск почтовой открытки с изображением портрета... Леонида Андреева [5, с. 481–482].

Именно СМИ выстраивали практически всем произведениям Андреева в пору его славы развернутую PR-кампанию по классическим законам современного рекламного рынка: сначала сообщалось о творческом замысле, потом появлялась информация о работе над произведением, затем неоднократно, с перепечаткой в провинциальных газетах, анонсировалось его содержание и т. д. В качестве примера можно привести предысторию издания одного из самых знаменитых произведений Андреева «Рассказа о семи повешенных». Еще до его публикации (в майской книжке альманаха «Шиповник» за 1908 г.) в столичной и провинциальной прессе появляются сообщения о работе Андреева над новым произведением, которое именуется то «Казни», то «Семь повешенных». Так, газеты «Русь» и «Последние новости» от 10 (24) марта информировали: «Леонид Андреев в настоящее время занят отделкой только что набросанного им рассказа „Казни“, в котором он в реалистических тонах дает психологию людей перед казнью»¹. Возбуждал читательский интерес и язвительный комментарий черносотенного «Русского знамени»: «Известный своими богохульными сочинениями писатель Л. Андреев <...> „занят отделкой новой повести“. <...> Проверка душевных ощущений человекоубийц, грабителей и других насильников. Жаль, что в этом рассказе не фигурируют лица, убитые этими «приговоренными к смерти политическими и ссыльными». <...> Такие рассказы не с руки Андреевым, и такой товар не котируется на „освободительном“ рынке»². В конце марта газеты сообщили о завершении работы и дали оценки, предваряющие прием произведения читательской аудиторией: «Лица, имевшие возможность познакомиться с рукописью, говорят, что по силе впечатления повесть Леонида Андреева значительно выше «Казни Тропмана» Тургенева и «Последних дней осужденного» Виктора Гюго»³. Наконец, в апреле появляется информация о печатании повести в ближайшем номере альманаха «Шиповник»⁴.

Кроме того, еще до публикации Андреев неоднократно выступал с «Рассказом» на литературных чтениях. Впервые он был прочитан 5 апреля 1908 г. на петербургской квартире Андреева на Каменноостровском проспекте, о чем тут же проинформировали газеты, дав целый спектр положительных отзывов авторитетных слушателей⁵. Вторичное чтение состоялось в Орле, где общественность города устроила вечер в честь десятилетнего юбилея творческой деятельности своего земляка⁶.

¹ Последние новости. 1906. № 43. С. 4.

² Русское знамя. СПб. 1908. 12 марта. № 59. С. 4.

³ Русь. М., 1908. 25 марта. № 64. С. 5.

⁴ Южный край. Харьков. 1908. 10 апр. № 9357. С. 5.

⁵ Там же.; Измайлов А. Литературный Олимп. М., 1911. С. 291–292.

⁶ Орловский вестник. 1908. 18 апр. № 102. С. 3.

Затем состоялось чтение в Ялте в узком кругу литераторов¹. Каждое из этих событий становилось предметом газетных сообщений, содержащих восторженные оценки. Позднее правая печать с негодованием (но вполне справедливо) писала о широкой рекламной кампании, предшествовавшей появлению «Рассказа о семи повешенных».

Но есть и другая сторона проблемы. В научной литературе справедливо отмечено, что «репутация непосредственно зависит от требований времени и предпочтений публики» [7], этим временем обусловленных. Сама специфика андреевского творчества сыграла важнейшую роль в формировании его литературной репутации. Современники высоко ценили его творчество за острое чувство времени — катастрофического и эсхатологического, считая его книги выражением настроений эпохи. Так, один из «младших символистов» Г. Чулков утверждал: «Личность Андреева определительна для своей эпохи. <...> Была в Андрееве какая-то обреченность, какая-то гибель. Он был одним из немногих русских скитальцев <...> сыном своего времени <...> весь в предчувствии катастрофы» [9, с. 484].

Кроме того, Андреев стоял у истоков создания типа текстов, позднее названных У. Эко «открытым произведением», которое, представляя «как форма, законченная и замкнутая в своем строго выверенном совершенстве», предоставляет «возможности толковать себя на тысячи ладов», когда «любой человек привносит в этот процесс конкретную экзистенциальную ситуацию, свое вполне обусловленное чувственное восприятие, определенную культуру, вкусы, склонности, личные убеждения» [10, с. 27–28]. Андреевские произведения дают возможность рассматривать и осмысливать себя в разнообразных перспективах, когда они, по выражению У. Эко, «не переставая быть самими собой, являют все богатство аспектов и отголосков» [10, с. 28]. Отсюда многообразие медийных дискурсов, в которых фигурирует имя Андреева. Многие его произведения попадали в контексты, далекие от литературы — медицинский, педагогический, философский, социологический, религиозный.

Л. Е. Бушканец в своем исследовании литературной репутации Чехова справедливо заметила: «методология исследования формирования литературной репутации — это обращение к голосам современников» [3, с. 8]. В данной работе предлагается проследить, как газетно-журнальная периодика формировала репутацию Андреева, высвечивая разные грани образа автора, на примере рецепции повести «Красный смех».

Почему именно это произведение выбрано для анализа поставленной проблемы? «Красный смех» был написан в 1904 г. Андреев еще не стал признанным литературным мэтром, уставшим от славы. Всего шесть лет назад был напечатан его первый рассказ («Баргамот и Гараська», 1898), и всего три года, как вышел в свет первый сборник его рассказов (1901). Он еще находится в статусе молодого писателя, хотя известного и популярного, и репутация его — в стадии становления. Кроме того, «Красный смех» — одно из самых типичных экспрессионистских произведений писателя с характерной «леонидоандреевской» суггестивной манерой письма. Оно явилось откликом на русско-японскую войну и стало протестом против всякой войны. При этом свой протест писатель облек не в рационалистическую публицистическую форму, но представил войну как «безумие и ужас», как явление, противостоящее природным законам.

Какие же грани андреевского литературного имиджа высвечивает газетно-журнальная периодика на материале данного произведения?

В первую очередь, критики единодушно отметили актуальность произведения и его общественную значимость. «Произведение это стоит на грани изящной литературы и злободневной публицистики, поэтому оно является крупным вкладом не

¹ Одесское обозрение. 1908. 6 мая. № 130. С. 3.

только в русскую литературу, но и в русскую жизнь. Неустрашимая и беспощадная мысль Леонида Андреева облекла в потрясающие образы все те вопросы, которые властно захватили душу. Рецензент «Нижегородского листка» подтверждал, что произведение с такой чуткостью и страстью отозвавшееся на больной нерв современности, «не может не вспугнуть общественную совесть», и потому — «это не только литературно-художественное, но и общественное явление, такое же, как сама война или 9-е января»¹. Н. Ашешов в популярном журнале «Образование» характеризовал «Красный смех» как «гневный пламенный памфлет против войны и всех ее ужасов», как «огненное слово, надрывным криком вырывающееся из возмущенной души»². Подобных отзывов можно было бы привести десятки. Так формировалась репутационный статус: *Андреев — злостодневный писатель, «барометр времени»*.

Известный писатель П. Д. Боборыкин, отметив, что в повести Андреева «трепет, рыдает и бьется страждущая душа целого народа в годину небывалых испытаний», делал вывод: «Ни в одной беллетристике в Западной Европе за целых полвека вы не найдете ничего равного по страстному тону и силе, по глубине страдания за человека»³. Тем самым к образу писателя, реагирующего на самые большие вопросы современности, добавлялся еще один обертон: *Андреев — писатель-гуманист*.

Одновременно с этим в периодике отмечалось, что рассказ Андреева значим не только своей злостодневностью, он не исчерпывается протестом против войны, но ставит важнейшие философские проблемы. В частности, он стал художественной иллюстрацией набиравшей силу концепции кризиса европейской цивилизации. По утверждению современных мыслителей, кризис нашел выражение в крушении традиционных парадигм культуры Нового времени, с ее культом разума и прогресса. Газета «Русь» отмечала: «Война дала ему лишь новый материал для разработки вопроса о человеке и его „мысли“, над которым он работает уже давно. <...> Вдумываясь в войну, он видит, <...> до какой степени гордый человек, кичащийся своим умом, своей мыслью, своей логикой, бессилён, до какой степени он раб какой-то иной, пока еще не понятной ему силы, которая играет им по своему усмотрению»⁴. «Киевские отклики» характеризовали главную тему повести как «ужас неразрешимой мысли», «разрушение системы традиционных культурных ценностей»⁵. Эту тему подхватили и другие издания: когда <...> «прежние культурные законы разрушены, вся культура уничтожена — душа человека «вынуждена реагировать на безумие войны — красным смехом» («Наука и жизнь»)⁶; «„Красный смех“ — выражает недоумение и ужас культурной мысли перед иррационализмом войны», и тем самым говорит о гибели рассудочной цивилизации («Русская мысль»)⁷.

Некоторые рецензенты прямо называли Андреева писателем-философом. «Писателя в «Красном смехе», как и везде, интересует философская сторона жизни,⁸ —

¹ *Ветринский Ч.* [Чешихин В. Е.]. «Красный смех». Сб. т-ва «Знание» за 1904 г. // Нижегородский листок. 1905. 23 февр. № 53. С. 2.

² *Ашешов Н.* Из жизни и литературы. Новое произведение Л. Андреева // Образование. 1905. № 2. Отд. II. С. 37.

³ *Рутений* [Боборыкин П. Д.]. Литературное движение. «Красный смех» Л. Андреева // Русское слово. 1905. 1 марта. № 57. С. 1.

⁴ Русь. 1905. 26 янв. № 19. С. 3.

⁵ *Марганец Е.* Сб. «Знания». Книга третья. «Красный смех» Л. Андреева // Киевские отклики. 1905. 7 (20) мая. (№ 66).

⁶ *Мович Л.* [Маркович Л. З.]. Летопись современной жизни и литературы: доктор Керженцев на войне // Наука и жизнь. 1905. Кн. 2. С. 882.

⁷ *Треплев* [Смирнов А. А.]. Разоренная жизнь. Рассказы Л. Андреева с точки зрения жизненной эволюции // Русская мысль. 1905. № 6. Отд. 2. С. 1–23; 41–73.

⁸ *Чуковский К.* Заметки читателя. «Красный смех» // Одесские новости. 1905. 28 янв. № 6546. С. 2.

утверждал в «Одесских новостях» К. Чуковский. «Андреев — не только художник настроения, он и художник мысли. <...> Он заставит вас проникнуть в глубь жизни. Он заставит вас увидеть все то важное, что заключено в кажущемся неважном. Хотя бы на час — он сделает вас философом»¹, — писал М. Гельрот. Так, создавалась еще одна грань репутации: Андреев — *писатель-философ*.

Свою лепту в формирование репутации писателя внесли и специализированные медицинские журналы. По Андрееву, война — это нарушение общих законов человеческого и природного бытия, любая попытка осмыслить ее логически ставит человеческий разум на грань разрушения, и потому — «безумие войны так очевидно».

Исследование данной проблемы на материале газетных корреспонденций и журнальной аналитики о событиях русско-японской кампании показало, что феномен психического расстройства как характерной черты современной войны был не «выдумкой» писателя, но реальным фактом. В работах видных русских психиатров: А. И. Озеревецкого, М. О. Шайкевича, С. А. Суханова и других, публиковавшихся в специализированных журналах: «Обозрение психиатрии», «Русский врач», «Журнал им. С. С. Корсакова», «Военно-медицинский журнал», указывалось на то, что описание психологического состояния двух братьев — центральных персонажей «Красного смеха», с почти медицинской точностью воспроизводило анамнез большой психики искалеченного войной человека и почти дословно совпадало с характеристикой симптомов душевных заболеваний в научных статьях ученых и практикующих врачей².

Таким образом, Андреев выступал в роли «психолога и психиатра» современного общества.

В своем восприятии и оценке современные газеты и журналы (так же, как и читатели) разделились на два лагеря: в одном (к которому принадлежала демократическая и либеральная пресса) появлялись восторженные и хвалебные отзывы, в другом (консервативном и откровенно черносотенном или противоположном по эстетической позиции) — статьи, резко порицавшие автора. Наиболее одиозным был отзыв известного критика «Нового времени» В. П. Буренина, который назвал «Красный смех» «плодом фантазии двух умалишенных», «картиной лубочного живописца», желающего нагромоздить на полотне как можно больше трупов с отрубленными руками, ногами, головами» и т. д. «Г. Андреев, очевидно, <...> хочет испугать читателей „до смерти“ кровавыми и мерзостными глупостями упадочной и припадочной фантазии. „Красный смех“ — это поистине литературная эпилепсия»³.

«Чувствуется сочиненность, вымученность, надуманность, и это производит тяжелое, болезненное впечатление»,⁴ — писал Г. Петров. А. Измайлов назвал рассказ «психопатическим». Так начала выработываться репутация Андреева как «певца ужасов и кошмаров», опиравшаяся на растиражированную и ставшую расхожим штампом фразу Л. Н. Толстого: «он пугает, а мне не страшно»⁵.

Критик эстетического толка Ю. Айхенвальд, ставя Андрееву в укор якобы приущую его книгам «неизгладимую печать общедоступности», нарек писателя «виртуозом околесицы» и «мастером неправдоподобия», «поставщиком толпы», берущим у жизни заказы⁶. Так создавалась легенда о «некультурности» писателя, который

¹ Гельрот М. «Красный смех» // Самарканд. 1905. 1 марта. № 42. С. 2.

² Муромцев А. Психопатологические черты в героях Леонида Андреева. СПб., 1910. С. 72–80.

³ Буренин В. П. Критические очерки // Новое Время. 1905. 4 февр. № 10387. С. 5.

⁴ Старый Г. [Петров Г. С.]. Литературные очерки (Последние три сборника «Знания») // РС. 1905. 17 марта. № 73. С. 2.

⁵ Смоленский Н. [Измайлов А. А.]. Леонид Андреев: критический очерк. М., 1905. С. 47.

⁶ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1910. Вып. 3. С. 75.

«нагромождением ужасов», «красноречием дурного вкуса», «согласием на хаос», стремился потрафить низменным вкусам массового читателя.

Таким образом, формирование литературной репутации оказывалось сложным многоуровневым процессом, в котором играли роль и объективные историко-культурные тенденции эпохи, определявшие запросы читающей публики, и художественная индивидуальность автора, и — главное — современные медиа, выполнявшие роль посредника между литератором и общественностью. Литературная репутация Леонида Андреева складывалась из совокупности характеристик, из столкновения полярных оценок, представленных в газетно-журнальной периодике, игравшей на рубеже веков роль важнейшего регулятора читательского мнения.

Литература

1. Андреев Л. С. О. С. Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919) / под ред. и со вступит. ст. Ричарда Дэвиса и Бена Хеллмана. М., СПб. : ATHENEUM-ФЕНИКС, 1994.
2. Боева Г. Н. Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна. СПб. : Петрополис. 2016. С. 155–355.
3. Бушканец Л. Е. А. П. Чехов и русское общество 1880–1917 гг. Формирование литературной репутации : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. М., 2012.
4. Горин С. В. Репутациология — новая отрасль научного знания // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Информационные технологии в образовании и науке». М. : МФА, 2007. Ч. 2. С. 219–221.
5. Иезуитова Л. А., Шишкина Л. И. «Андреев — огромный, еще не раскрытый писатель» // Андреев Л. Н. Иуда Искариот и другие. Повести и рассказы / сост., послесловие и коммент. Л. А. Иезуитовой, Л. И. Шишкиной. СПб. : Вита Нова, 2009.
6. Леонид Николаевич Андреев: Библиография. Вып. 2а: Аннотированный каталог Собрания рецензий Славянской библиотеки Хельсинкского унив-та / сост. М. В. Козьменко. М., 2002.
7. Машковцева А. В. Историко-культурные истоки и проблемы изучения понятия «литературная репутация» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-kulturnye-istoki-i-problemy-izucheniya-ponyatiya-literaturnaya-reputatsiya/viewer> (дата обращения: 20.10.2020).
8. Розанов И. Н. Литературные репутации. М. : Сов. писатель, 1990.
9. Чулков Г. И. Валтасарово царство. М. : Республика, 1998.
10. Эко У. Открытое произведение. СПб. : Академический проект, 2004.
11. Warner W. L. The Status System of a Modern Community. New Heaven; L., 1942; Social Class in America. Chi., 1949.

Об авторе:

Шишкина Лидия Ивановна, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат филологических наук, доцент; lidia_shishkina@mail.ru

References

1. Andreev L. S. O. S. Dairy (1914–1919). Letters (1917–1919). Articles and interviews (1919). Memoirs of contemporaries (1918–1919) /ed. Richard Davis and Ben Hellman. M.– St. Petersburg: ATHENEUM-PHOENIX, 1994. (In rus)
2. Boeva G. N. The work of Leonid Andreev and the era of Art Nouveau. St. Petersburg: Petropolis. 2016. P. 155–355. (In rus)
3. Bushkanets L. E. A. P. Chekhov and Russian society 1880–1917. Formation of literary reputation: doctoral dissertation. M., 2012. (In rus)
4. Gorin S. V. Reputationology is a new branch of scientific knowledge // Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Information Technologies in Education and Science." M.: MFA, 2007. PART 2. P. 219–221. (In rus)

5. Iezuitova L. A., Shishkina L. I. "Andreev is a huge, not yet revealed writer" // Andreev L. N. Judah Iskariot and others. Stories and novels / collection, afterword and comment. L. A. Jesuitova, L. I. Shishkina. St. Petersburg: Vita Nova, 2009. (In rus)
6. Leonid Nikolaevich Andreev: Bibliography. Issue 2a: Annotated catalogue of the Collection of Reviews of the Slavic Library of the Helsinki University / collection M. V. Kozmenko. M., 2002. (In rus)
7. Mashkovtseva A. V. Historical and cultural origins and problems of studying the concept of "literary reputation" [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-kulturnye-istoki-i-problemy-izucheniya-ponyatiya-literaturnaya-reputatsiya/viewer> (date of address: 20.10.2020). (In rus)
8. Rozanov I. N. Literary reputations. M.: Soviet writer, 1990. (In rus)
9. Chulkov G. I. Balthazar kingdom. M.: Republic, 1998. (In rus)
10. Eco U. The open Work. St. Petersburg: Academic Project, 2004. (In rus)
11. Warner W. L. The Status System of a Modern Community. New Heaven; L., 1942; Social Class in America. Chi., 1949.

About the author:

Lidia I. Shishkina, Professor of the Chair of Journalism and media communications of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philology, Associate Professor; lidia_shishkina@mail.ru